

Особенности развития литературы 1950 – 1980-х годов

1. Литература 50 – 60-х годов XX века (период «оттепели»)

1953 год – важная веха в истории советской литературы (смена политического направления в стране после смерти Сталина, первый «**глоток свободы**» – доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС с осуждением культа личности и решение о реабилитации большинства советских политзаключенных). **«Бронзовый век» русской литературы.**

- *подъем литературы*, популярность, публикация некоторых ранее запрещенных авторов;
- возникают новые литературные объединения, поэтические школы;
- появляются *новые молодые и талантливые поэты*, и писатели (Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Б.Ахмадулина, Б.Окуджава, Р.Рождественский и др.);
- расширение границ дозволенного, *относительная свобода* творчества;
- *романтика* «социализма с человеческим лицом», обращение к ленинским традициям;
- *гуманизация* литературы (интерес к личности, внутреннему миру человека, вечным вопросам);
- возникает новое поколение, называющее себя «шестидесятниками», многие встанут на путь *диссидентства* (противоборства с государственной системой);

2. Направления в литературе 1950 – 1980-х годов

- «эстрадная» поэзия (выход поэзии к зрителям, публичные чтения на эстраде, лирика становится голосом своей эпохи – **Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Б.Ахмадулина, Б.Окуджава, Р.Рождественский и др.**),
- «тихая» лирика начала 60-х гг. (нравственно-философская поэзия, тема судьбы России, есенинские мотивы, тема деревни) – **Н.Рубцов, Н.Яшин, Ю.Кузнецов.**
- «деревенская» проза: **А.Солженицын, Ф.Абрамов, В.Распутин, В.Белов, В.Шукшин и др.**;
- проблема жизни на селе,
- сельский житель – новый идеал, поэтизация деревни как первоисточника всего, традиционности,
- человек и природа,

- недовольство преобразованиями в деревне, «раскрестьяниванием»,
- интерес к духовной культуре крестьянства, русскому национальному характеру,
- идеализация патриархальности, неприятие современного города, «цивилизации»,
- экологическая проблематика.
- **«городская» проза: В.Астафьев, Ю.Трифонов и др.**
- проблемы жизни городской интеллигенции, герой – человек рефлектирующий;
- анализ внутреннего мира человека, его проблем;
- проблемы одиночества и неустроенности жизни;
- тема разочарования в прежних идеалах;
- герои раскрываются через бытовые ситуации, когда идут на компромисс с совестью;
- проблема нравственности человека и обстоятельств;
- популяризация **авторской песни** (поэты-исполнители, барды создавали песни-рассказы, исповеди, моноспектакли, а сам автор был и поэтом, и исполнителем, и режиссером; их интересовали не общественные проблемы, а частная жизнь человека, его внутренний мир; в песнях так же критиковалась советская действительность, многие авторы были запрещены) – **Высоцкий, Ким, Визбор, Окуджава, А.Галич, позже И.Тальков, В.Цой, А.Башлачев и др.;**
- развивалась **драматургия (Виктор Розов «Вечно живые»; «В поисках радости»; Александр Вампилов «Старший сын», «Утиная охота» и др.)**. Обращение к вечным темам и проблемам общественной жизни, борьба с мещанством и пошлостью (романтик Олег в пьесе «В поисках радости»), В.Розов обратился к теме любви на войне и показал историю Вероники и Бориса в «Вечно живых» (тема памяти); Вампилов обратился к чеховским традициям гуманистического театра, его герои часто порочны эгоистичны, поступают непорядочно, оправдываясь несовершенством самой жизни, но они страдают и некоторым удается стать лучше (Владимир Бусыгин в «Старший сын»). Вампилов верил, что человек способен изменяться к лучшему и что «все люди – братья».

3. Проза 50 – 80-х гг. О Великой Отечественной войне

О. Берггольц: «Без опыта прошедшей войны я не мыслю себя и даже думаю, что без этого опыта я теперь не могла бы писать».

Под словами известной поэтессы мог бы подписаться каждый из писателей фронтового поколения. В 40-е годы в литературе о Великой Отечественной войне сильнее всего был выражен героико-патриотический аспект. Призывно звучала песня «Священная война» (муз. Б. Александрова на слова, которые приписывали В. Лебедеву-Кумачу). А. Сурков в своем обращении к солдатам повелительно провозглашал: «Вперед! В наступленье! Назад – ни шагу!» «Науку ненависти» проповедовал М. Шолохов. «Народ бессмертен», – утверждал В. Гроссман.

Осмысление войны как величайшей трагедии народа пришло в конце 50-х – начале 60-х годов. С именами Григория Бакланова, Василия Быкова, Константина Воробьева, Владимира Богомолова, Юрия Бондарева связана вторая волна военной прозы. В критике она была названа «лейтенантской» прозой: артиллеристы Г. Бакланов и Ю. Бондарев, пехотинцы В. Быков и Ю. Гончаров, кремлевский курсант К. Воробьев на войне были лейтенантами. За их повестями закрепилось и другое название – произведения «окопной правды». В этом определении значимы оба слова. Они отражают стремление писателей отразить сложный трагический ход войны «так, как это было» – с предельной правдой во всем, во всей обнаженной трагедии.

Предельная приближенность к человеку на войне, окопная жизнь солдат, судьба батальона, роты, взвода, события, совершающиеся на пяди земли, сосредоточенность на отдельном боевом эпизоде, чаще всего трагедийном, – вот что отличает повести В. Быкова «Круглянский мост», «Атака с ходу», Г. Бакланова «Пядь земли», Ю. Бондарева «Батальоны просят огня», Б. Васильева «А зори здесь тихие...». В них «лейтенантский» угол зрения смыкался с «солдатским» взглядом на войну.

Личный фронтовой опыт писателей, пришедших в литературу непосредственно с переднего края, подсказывал им делать упор на описании трудностей жизни на войне. Они считали их преодоление подвигом не меньшим, чем совершенный при исключительных обстоятельствах героический поступок.

Такая точка зрения не была принята официальной критикой. В дискуссионных критических статьях звучали термины «ремаркизм», «заземление подвига», «дегероизация». Рождение подобных оценок нельзя считать случайностью: уж очень непривычно было глядеть на войну из окопов, откуда ведут огонь, ходят в атаку, но где ко всему этому еще и... живут люди. Г. Бакланов, В. Быков, Б. Васильев, В. Богомоллов писали о войне безвестной, что проходила южнее, западнее ли, но в стороне от главных ударов. Ситуации, в которых оказывались солдаты, от этого не становились менее трагедийными.

Жесточайшие споры вокруг «большой» и «малой» правды о войне, которые имели место в начале 60-х годов, выявили истинные ценности военной прозы, которая приводила к новому осмыслению самой сути происходящего на фронте.

Война совсем не фейерверк,
А просто трудная работа,
Когда, черна от пота, вверх
Скользит по пахоте пехота.

В этих стихах М. Кульчицкого передана суть тех открытий, которые делали писатели Григорий Бакланов, Василь Быков, Анатолий Ананьев, Юрий Бондарев. В этом перечне имен нужно упомянуть и Константина Воробьева. По словам А. Твардовского, он сказал «несколько новых слов о войне» (имеются в виду повести К. Воробьева «Убиты под Москвой», «Крик», «Это мы, Господи!»). Эти «новые слова», сказанные писателями фронтового поколения, отмечены пафосом великой трагедии, необратимость которой вызывала слезы горечи и бессилия, звала к суду и возмездию.

4. «Деревенская» проза 60 – 80-х годов

Понятие «деревенская» проза появилось в начале 60-х годов. Это одно из наиболее плодотворных направлений в нашей отечественной литературе. Оно представлено многими самобытными произведениями: «Владимирские проселки» и «Капля росы» Владимира Солоухина, «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» Василия Белова, «Матренин двор» Александра Солженицына, «Последний поклон» Виктора Астафьева, рассказы Василия Шукшина, Евгения Носова, повести Валентина Распутина и Владимира Тендрякова, романы Федора Абрамова и Бориса Можаева. В литературу пришли сыновья крестьян, каждый из них мог сказать о себе те самые слова, которые написал в рассказе «Угощаю рябиной» поэт Александр Яшин: «Я есть сын крестьянина... Меня касается все, что делается на этой земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые еще плугом пахал, на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога».

«Я горжусь тем, что я вышел из деревни», – говорил Ф. Абрамов. Ему вторил В. Распутин: «Я вырос в деревне. Она меня вскормила, и рассказать о ней – моя обязанность». Отвечая на вопрос, почему он пишет в основном о деревенских людях, В. Шукшин сказал: «Я не мог ни о чем рассказывать, зная деревню... Я был здесь смел, я был здесь сколько возможно самостоятелен». С. Залыгин в «Интервью у самого себя» писал: «Я чувствую корни своей нации именно там – в деревне, в пашне, в хлебе самом насущном. Видимо, наше поколение – последнее, которое своими глазами видело тот тысячелетний уклад, из которого мы вышли без малого все и каждый. Если мы не скажем о нем и его решительной переделке в течение короткого срока – кто же скажет?»

Не только память сердца питала тему «малой родины», «милой родины», но и боль за ее настоящее, тревога за ее будущее. Исследуя причины острого и проблемного разговора о деревне, который вела литература в 60 – 70-е годы, Ф. Абрамов писал: «Деревня – это глубины России, почва, на которой выросла и расцвела наша культура. Вместе с тем научно-техническая революция, в век которой мы живем, коснулась деревни очень основательно. Техника изменила не только тип хозяйствования, но и самый тип крестьянина... Вместе со старинным укладом уходит в небытие нравственный тип. Традиционная Россия переворачивает последние страницы своей тысячелетней истории. Интерес ко всем этим явлениям в литературе закономерен... Сходят на нет традиционные ремесла, исчезают местные особенности крестьянского жилища, которые складывались веками... Серьезные потери несет язык. Деревня всегда говорила на более богатом языке, чем город, сейчас эта свежесть выщелачивается, размывается...»

Деревня представилась Шукшину, Распутину, Белову, Астафьеву, Абрамову воплощением традиций народной жизни – нравственных, бытовых, эстетических.

В их книгах заметна потребность окинуть взглядом все, что связано с этими традициями, и то, что их ломало.

«Привычное дело» – так названа одна из повестей В. Белова. Этими словами можно определить внутреннюю тему многих произведений о деревне: жизнь как труд, жизнь в труде – привычное дело. Писатели рисуют традиционные ритмы крестьянских работ, семейные заботы и тревоги, будни и праздники.

Писатели тонко чувствуют глубинную культуру народа. Осмысляя его духовный опыт, В. Белов подчеркивает в книге «Лад»: «Работать красиво не только легче, но и приятнее. Талант и труд неразрывны». И еще: «Для души, для памяти нужно было построить дом с резьбою, либо храм на горе, либо сплести такое кружево, от которого дух захватит и загорятся глаза у далекой праправнучки.

Потому что не хлебом единым жив человек».

Эту истину исповедуют лучшие герои Белова и Распутина, Шукшина и Астафьева, Можаяева и Абрамова.

В их произведениях нужно отметить и картины жестокого разорения деревни, сначала во время коллективизации («Кануны» В. Белова, «Мужики и бабы» Б. Можаяева), потом в годы войны («Братья и сестры» Ф. Абрамова), в годы послевоенного лихолетья («Две зимы и три лета» Ф. Абрамова, «Матренин двор» А. Солженицына, «Привычное дело» В. Белова).

Писатели показали несовершенство, неустроенность повседневной жизни героев, несправедливость, чинимую над ними, их полную незащитность, что не могло не привести к вымиранию русской деревни. «Тут ни убавить, ни прибавить. Так это было на земле», — скажет об этом А. Твардовский. Красноречива «информация к размышлению», содержащаяся в «Приложении» к «Независимой газете» (1998, № 7): «В Тимонихе, родной деревне писателя Василия Белова, умер последний мужик Фауст Степанович Цветков.

Ни одного мужика, ни одной лошади. Три старухи».

А чуть раньше «Новый мир» (1996, № 6) опубликовал горькое, тяжелое размышление Бориса Екимова «На распустье» со страшными прогнозами: «Нищие колхозы проедают уже завтрашний и послезавтрашний день, обрекая на еще большую нищету тех, кто будет жить на этой земле после них... Деграция крестьянина страшнее деграции почвы. А она — налицо».

Подобные явления позволили говорить о «России, которую мы потеряли». Вот и «деревенская» проза, начавшаяся с поэтизации детства и природы, кончилась сознанием великой утраты. Не случаен же мотив «прощания», «последнего поклона», отраженный и в названиях произведений («Прощание с Матерой», «Последний срок» В. Распутина, «Последний поклон» В. Астафьева, «Последняя страда», «Последний старик деревни» Ф. Абрамова), и в главных сюжетных ситуациях произведений, и предчувствиях героев. Ф. Абрамов нередко говорил, что Россия прощается с деревней как с матерью.

5. «Год великого перелома» в литературе 60 – 80-х годов

«Год великого перелома» – под таким названием вошла в историю пора «сплошной коллективизации»; она захватила 1929 – 1930 годы. В литературе это историческое явление отражено широко. Это и понятно: большое, переломное событие всегда находит свое многоаспектное освещение. В 30-е годы вышли такие произведения, как «Поднятая целина» М. Шолохова, «Страна Муравия»

А. Твардовского, были написаны повести А. Платонова «Котлован», «Впрок». В 60—80-е годы были опубликованы такие книги, как «На Иртыше» С. Залыгина, «Мужики и бабы» Б. Можаяева, «Кануны» и «Год великого перелома» В. Белова, «Овраги» С. Антонова, «Касьян Остудный» И. Акулова, «Перелом» Н. Скромного, «Кончина», «Пара гнедых», «Хлеб для собаки» В. Тендрякова. Свое слово о коллективизации сказали В. Гроссман в романе «Жизнь и судьба», В. Быков в повестях «Знак беды», «Облава», А. Твардовский в поэме «По праву памяти», Ф. Абрамов в повести «Поездка в прошлое».

Слово современного писателя продиктовано потребностью понять истоки наших бед. Слово их звучит публицистически остро и требовательно: «Возродить в крестьянстве крестьянское!» — так названа одна из статей В. Белова. В очерке Б. Можаяева «Мужик» говорится:

«Пора уже понять простую истину — все начинается с земли, только она может дать несравнимую ни с чем — ни с нефтью, ни с золотом, ни с алмазами самую скорую прочную отдачу — богатство... Не бывает крепкой державы, земля которой не кормит свой народ... Мужик должен возродиться, если мы хотим жить в достатке и быть независимым государством. Мужик-кормилец. Не беспорточник, а работающий, преуспевающий — и работник и предприниматель. Хозяин...

А для того, чтобы он не только вернулся, но и утвердился, нам надо изменить всю систему землепользования, разобраться в том, что же произошло в 1929–1930 годах? Что же надо сделать для этого? Для начала самую малость: признать сталинскую коллективизацию преступлением против народа».

Сплошную коллективизацию Б. Можаяев называет «трясучей лихоманкой — кулакоманией», «кромешным адом», «жестоким порой головоутиательства», «вселенским геноцидом», который, уничтожив мужика, осиротил деревню и оставил землю беспризорной. С перегибов коллективизации и началось размывание нравственного чувства хозяина на земле, что постепенно обернулось разрушением духовного начала. Именно об этом писал Ф. Абрамов в открытом письме землякам «Чем живем-кормимся».

Боль и тревога, с какой говорят современные писатели о нравственных потерях народа, о том, что произошло с российской деревней, рождали у них желание «разобраться, как испокон веков крестьянская вселенная устроена была». Это намерение В. Белов осуществил в своей книге о народной эстетике «Лад» и в первой книге «Канунов», а Б. Можаяев — в романе «Мужики и бабы».

Как считали В. Белов и Б. Можаяев, деревня жила до 1929 года в одних ритмах, после 1929 — в других. Этого не почувствуешь, если торопливо перелистаешь страницы первых книг романов «Кануны» и «Мужики и бабы» и сразу обратишься к событиям, связанным с коллективизацией. Сам Б. Можаяев настаивал: «Первый и второй тома надо рассматривать как единую книгу. Первый рассказывает о крестьянстве в предгрозе, второй обращен к переломной поре в крестьянском мире».

Жанр хроники оказался предпочтительным не только для Б. Можаяева. Хроникальный характер носила первая книга «Поднятой целины», повесть А. Платонова «Впрок» имела подзаголовок «Бедняцкая хроника», С. Залыгин в повести «На Иртыше» писал хронику событий в сибирском селе Крутые Луки. Жанровое обозначение романа В. Белова «Кануны» — «Хроника конца 20-х годов», его же «Год великого перелома» — «Хроника девяти месяцев».

6. «Городская» проза

В разные годы эту весьма сложную иронически-философскую прозу называли то «городской», то «интеллектуальной», даже «философской», но суть ее, обращенной всецело к личности, к памяти, мукам повседневных нравственных отношений в общественной среде, эти определения раскрывают слабо.

«Городская проза» – это не только тематическое единство группы произведений, не перенос действия из пейзажной среды, из циклического природного времени. Все дело – в точке зрения, в особенностях конфликтов, сжатых, сконцентрированных на тесном и преимущественно духовно-психологическом пространстве. Современный город – сосредоточение глубоких драм, преступлений, обманов, бытовых историй, обостренных исканий, «трений» между людьми, группами, часто не врачуемых природой, дорогой, одиночеством.

Показателем наивысших достижений «городской» прозы, ее движения идей и форм, ломки привычных форм повествования стали так называемые семейно-бытовые повести Юрия Трифонова на московском материале – «Обмен» (1969), «Предварительные итоги» (1970), «Долгое прощание» (1971) и его же роман «Дом на набережной» (1976), повесть Ю.О. Домбровского (1909 – 1978) «Хранитель древностей» (1964), имеющая скрытое до 1978 года продолжение в виде его романа-завещания «Факультет ненужных вещей» (1978). Весьма популярны были в 60 – 80-е годы повести Владимира Маканина «Предтеча» (1982), «Где сходилось небо с холмами» (1984), роман Андрея Битова «Пушкинский дом» (1971), повести краснодарца Виктора Лихоносова (р. 1936) «Брянские» (1963), «Люблю тебя светло» (1969), повесть Владимира Крупина «Живая вода» (1980).

Юрий Валентинович Трифонов (1925 – 1981) родился в Москве, в семье профессионального революционера, долгое время принадлежавшего к правящей элите. Он жил в известном Доме Правительства на Берсеневской набережной, с удобствами, которых нигде в Москве не было (со своим закрытым «распределителем» продуктов). Обитатели этого дома против таких подарков судьбы никогда не возражали. И даже перегибы коллективизации, задевшие многие тысячи крестьян, они встречали без протеста. Но в 1937 году отца Трифонова арестовали как оппозиционера, все льготы, подарки судьбы перешли к новому типу номенклатурщиков, к их семьям, более вульгарным и примитивным.

Вначале будущий писатель учился в Литературном институте (у К.Г. Паустовского, К.А. Федина), опубликовал повесть «Студенты» (1950), вполне конъюнктурную (в ней разоблачаются профессора-космополиты), написал роман «Утоление жажды» (1963) и повесть «Отблеск костра» (1965), в которой уже прикоснулся к революционной биографии отца (позже проблема героики и приспособленчества, ответственности личности перед историей получит свое развитие в романе «Старик», 1978).

На первый взгляд в трех московских повестях писателя и в романе «Дом на набережной» (1976) господствует стихия быта. Но какой смысл вкладывается писателем в понятие «быт», т.е. житейские хлопоты, улучшение квартирной ситуации, захват дач, разводы, устройство детей?

«...Ах, Боже мой, не надо искать сложных причин! Все натянулось и треснуло от того, что напрягся быт. Современный брак – нежнейшая организация. Идея легкой

разлуки – попробовать все сначала, пока еще не поздно, – постоянно витает в воздухе, как давняя мечта совершить, например, кругосветное путешествие».

Во всех «московских» повестях Юрия Трифонова – и тем более в романах «Дом на набережной» и «Старик» – быт наполнен мелочами, над которыми сами герои, правда, свободно иронизируют. Иронизируют, спасаясь от давления пошлости, но в то же время прекрасно понимают, что все мелочи, все мгновения образуют не «кусочек жизни», а феномен жизни, феномен времени, т.е. нечто неразложимое, бесценное.

В повести «Обмен» (1969) главный герой, молодой ученый Виктор Дмитриев, по настоянию расторопной жены Лены (и ее родичей Лукьяновых) решил съехаться с уже смертельно больной матерью, т.е. свершить двойной обмен, взойти «в квартирном вопросе» на более престижный уровень. Метания героя по Москве, влияние на героя Лены, пленницы вещей, остальных Лукьяновых, поездки его на дачу в кооператив «Красный партизан», где некогда в 30-е годы жили одаренный льготами отец и его братья, люди элиты с революционными биографиями, люди из «дома на набережной», – и маячащий на горизонте обмен был триумфально свершен. Это почти возвращение в Кремль! Для Лены, которая «вгрызалась в свои желания, как бульдог», и меняться не нужно было ни в чем. Она вся пленена вещами, комфортом, привыкла отпихивать других в очередях, усмирять гордую свекровь, не желающую «олукьяниваться».

Но и сам Дмитриев – давно уже опустил. «Обмен» в нем свершен был гораздо раньше. Больная Ксения Федоровна, мать героя, хранительница какой-то нравственной высоты, особого, скажем так, «революционного аристократизма», помнящая о льготах и власти до падения мужа, говорит сыну о его снижении, «олукьянивании», вообще об измельчании, покорности духу вещизма:

«– Ты уже обменялся, Витя. Обмен произошел ... – Вновь наступило молчание. С закрытыми глазами она шептала невнятицу:

– Это было очень давно. И бывает всегда, каждый день, так что ты не удивляйся, Витя. И не сердись. Просто так незаметно...»

Сюжет увенчан аккордом, провоцирующим долгое прощание с героями, тревожное раздумье. Повесть Трифонова полна презрения к мещанам, ностальгии по «революционному аристократизму» отцов: теперь происходит «олукьянивание» их детей.

В другой повести, «Предварительные итоги» (1970), герой-переводчик, изнуряющий свой мозг (и талант), переводит ради денег нелепую поэму некоего среднеазиатского поэта-дельца Мансура «Золотой колокольчик» (прозвище героини поэмы, восточной девушки, данное ей за звонкий голосок). Он непрерывно «меняет» что-то возвышенное на усредненное, стандартное, «сделанное по мерке». Он способен чуть ли не на грани самонасмешки оценивать свой труд: «Практически могу переводить со всех языков мира, кроме двух, которые немного знаю – немецкого и английского, – но тут у меня не хватает духу или, может быть, совести». Как все упрощается в этой среде! Даже модного философа Николая Бердяева, навязываемого людям, как некогда Плеханова, хочется уже отбросить с кучей других... «белибердяевых», если и иконы на кухне, потеснившие репродукции «Пикассо или Хемингуэя в свитере», стали предметом тщеславия и обмена. Вне сомнения – эти люди займут первые ряды и в храме, не забыв по пути в него купить баночки сайры, снять нужное объявление, перегляднуться с «нужными» людьми.

Философско-иронический, аналитический стиль Ю. Трифонова, его путь исследования человеческого интеллекта в схватках и компромиссах с веком по-

своему продолжили и В. Маканин, и А. Битов, и Ф. Горенштейн в романах «Псалом» (1975) и «Место» (1977).

Владимир Семенович Маканин (1937 – 2017) – как характерны заголовки его повестей «Гражданин убегающий», «Антилидер», «Человек свиты», «Аварийный поселок», романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» и др. — не просто исследует «барак» как временное пристанище людей вне групп, сословий, людей промежуточных: он создал тип героя без равновесия, без корней (но с развитой памятью о прошлом), раздавленного стандартами быта, но ищущего новых основ бытия, доверяющего своим снам, мечтам, астрологам. Можно выделить повесть «Где сходилась небо с холмами» (1984), в которой герой, композитор Башилов, ищет ответа на вопрос: почему не поют больше в его поселке, как в годы его юности? Неужели он обобрал всех, «высосал» мелодический дар из своей среды? В других повестях писатель исследует причуды полуобразованной среды, моды, толкающей людей к обманщикам-знахарям, утробным философам («Предтеча»), поведение толпы в очередях («Сюжеты усреднения»). Почему люди видят обман, но хотят... быть обманутыми?!

Особенно интересен в ряду этой прозы опыт Андрея Георгиевича Битова (1937 – 2018), художника, одержимого культурой как главным материалом созидания личности, памяти, системы самоанализа в романе «Пушкинский дом» (1971).

Известно, что для музыкантов очень важен контрапункт: это одновременное звучание пересеченных мелодий. Нужен очень тонкий слух, чтобы различить движение каждой мелодии – да еще в соотношении их с другими, в слиянии и противодействии. «Музыкальные», философско-психологические темы в «Пушкинском доме» то сходятся на какой-то общей ноте, – скажем, в диалого-монологе «деда» с главным героем Левой Одоевцевым после возвращения деда из лагеря, то разбегаются, почти разрывая единство потока.

Следует заметить, что все диалоги внука, т.е. Левы Одоевцева, с дедом идут как бы через голову отца Левы, когда-то отрекшегося из-за страха от репрессированного отца. В подтексте всего поведения молодого героя – оценка предательства, соглашательства со злом, малодушия: все это существует где-то рядом... И автор, не безучастный к этим же этическим проблемам, порой заменяет героя, делает свои комментарии особой линией этого сложного романа. Естественно, что и сама русская литература – ведь Лева Одоевцев филолог – становится частью действительности.

Прекрасно, что герои, живя в мире культуры и пользуясь средствами культуры, стали способны тревожиться о том, что действительно надо спасать, и самым ускоренным, авральным способом. В романе звучит мысль: человечество, вторгшись в кладовую природных богатств, сорвав двери природы, по существу, не встало на путь прогресса. Превращение в «маскультуру» того, что ей противостоит, – процесс крайне опасный. А. Битов множеством способов – и через беседы, диалоги о судьбах культуры, и через роковые поединки Левы со своим бесом-искусителем Митишатьевым – доносит тревожную мысль: натиск подделок, пошлости на подлинную культуру возрастает.